

— Я не стану увольнять бедного мистера Уоппинга. Он проделал долгий путь из Греции, чтобы стать моим наставником. Бедняге некуда идти. Кроме того, он не сделал ничего плохого, и я, кстати, тоже, так почему я должна вести себя так, словно провинилась?

— Ты поступила опрометчиво. То, что Уиллоби Броук и его жена видели тебя с учителем в два часа ночи, не могло остаться без последствий.

— Мы просто наблюдали за метеоритным дождем! Но ты мне так и не ответила. Что, если я не узнаю собственного мужа? — Джина повернулась и пристально посмотрела на Эсме. — Это будет самым унижительным моментом в моей жизни!

— Ты сейчас похожа на плохую актрису в мелодраматической пьесе. Не беспокойся, дворецкий доложит о его приходе, и у тебя будет время собраться с мыслями. «О, мой дорогой супруг, — произнесла Эсме, бросив на Джину умильный взгляд. — Разлука с вами была для меня настоящим мучением!»

Эсме начала кокетливо обмахиваться веером.

Джина состроила недовольную гримасу.

— Судя по всему, ты часто произносишь подобные фразы, — заявила она.

— Разумеется. Мы с Майлзом всегда любезны при встрече... Слава богу, они происходят довольно редко.

Джина отложила ленту, на которой было уже пятьдесят узелков.

— Посмотри, у меня дрожат руки. Вряд ли кому-то в жизни довелось пережить то, что сейчас переживаю я!

— Ты преувеличиваешь. Представь, что чувствовала бедная Кэролайн Пратт? Ей пришлось сообщить мужу, который весь предыдущий год провел в Нидерландах, о своей беременности!

— Да, должно быть, это было нелегко, — согласилась Джина.

— Хотя на самом деле она оказала мужу неоценимую услугу. Что, скажите на милость, случилось бы с помещиком, если бы ей не удалось произвести на свет наслед-

ника? В конце концов, они были женаты уже более десяти лет. Пратту следовало бы отблагодарить Кэролайн, хотя он наверняка этого не сделал. Мужчины — настоящие невежи.

— И все же меня пугает предстоящая встреча с Кэмом, — вздохнув, призналась Джина. — Мне кажется, я не узнаю его, даже если дворецкий доложит о его приходе.

— Ты говорила, что все детство провела рядом с ним.

— Да, но сейчас он уже взрослый мужчина. Когда мы поженились, Кэм был еще безусым мальчишкой.

— Многие женщины мечтают о том, чтобы их мужа уехали на континент, — заметила Эсме.

— По существу, Кэм мне не муж. Я считала его кузеном до того самого дня, когда нас поженили.

— Не понимаю, что тебя смущает. Браки между кузенами не редкость в нашем окружении. А вы с Кэмом даже не кузены, если разобраться. У тебя приемная мать, она не рожала, а только вырастила тебя.

— Мать — не родная, муж — не муж... — с горестным видом промолвила Джина. — Кэм выпрыгнул из окна через пятнадцать минут после того, как отец заставил его произнести супружеский обет. И ему потребовалось целых двенадцать лет, чтобы вернуться.

— Мой супруг, когда уходил от меня, по крайней мере, вышел через парадную дверь, как цивилизованный мужчина.

— Кэма трудно было назвать в то время мужчиной. Ему исполнилось восемнадцать всего за несколько дней до бракосочетания, — заметила Джина.

— Ты удивительно хороша в этом розовом платье, — с улыбкой сказала Эсме. — Кэм расплечется при мысли, что когда-то по дуру выпрыгнул из окна твоей спальни.

— По глупости! Я некрасивая, слишком худая, и волосы у меня цвета моркови. — Джина посмотрела на себя в зеркало. — Ах, если бы у меня были такие глаза, как у тебя, Эсме. А мои — мутные, цвета грязи.

— У тебя не мутные глаза, а зеленые, — поправила ее Эсме. — Что же касается красоты... Посмотри на себя внимательно! Ты похожа на Мадонну эпохи Возрождения: такая же стройная, грустная и немного заплаканная. Вот только цвет волос не вписывается в общую картину. Ты унаследовала его от своей скандальной мамы, рыжей француженки?

— Откуда мне знать? Отец не желал говорить о ней. Я понятия не имею, как она выглядела.

— Да, ты вылитая Мадонна, — заявила Эсме, лукаво подмигнув подруге. — Бедняжка, ты до сих пор еще девственница, хоть формально и замужем!

В дверь постучали, и в спальню вошла Энни, горничная герцогини.

— Ваша светлость, вас желает видеть леди Первинкл, — доложила она.

— Попроси ее войти, — ответила Джина.

Карола Первинкл была невысокой, восхитительно пухленькой женщиной, с кудряшками, обрамлявшими личико в форме сердечка. Увидев Эсме, она взвизгнула от восторга.

— Дорогие мои! Я прибежала к вам, хотя уже давно пора было бы переодеться, но я узнала от леди Трубридж поразительную новость о том, что муж Джини возвращается! — затараторила Карола.

— Это правда, — заявила Джина. — Мой муж действительно возвращается в Англию.

Карола всплеснула руками.

— Как романтично!

— Ты полагаешь? Я не вижу ничего романтического в том, что мой муж аннулирует наш брак.

— И он едет из Греции только для того, чтобы дать тебе свободу и позволить выйти замуж за человека, которого ты любишь? Не сомневаюсь, в глубине души он ужасно страдает от мысли, что навсегда потеряет тебя, его сердце разбито...

Эсме поморщилась так, словно у нее свело желудок от колик.

— Порой меня удивляет, почему я до сих пор дружу с тобой, Карола, — сказала она. — На мой взгляд, муж Джини безумно рад, что избавится от нее. Наши с тобой мужья, несомненно, тоже ухватились бы за возможность аннулировать брак. Почему же супруг Джини должен быть другим?

— У меня иное мнение на этот счет, — заявила Карола, подняв свой маленький носик. — У нас с мужем бывают разногласия, но он никогда не аннулировал бы наш брак.

— А мой вполне мог бы это сделать, — сказала Эсме. — Просто он слишком добродушен, чтобы сказать об этом открыто. Когда мы только разъехались, я изо всех сил старалась разозлить его и заставить развестись со мной, но он оказался настоящим джентльменом. Однако если бы у него была возможность расторгнуть брак, не потеряв лицо, он ухватился бы за нее.

— Вот глупышка, — сказала Джина, с нежностью глядя на подругу. — Значит, ты губишь свою репутацию только для того, чтобы привлечь внимание Майлза?

Эсме печально улыбнулась.

— Твои слова недалеко от истины. Не понимаю, почему со мной дружит настоящая герцогиня? Чем я заслужила такую честь?

— Потому что я выхожу замуж. К кому же мне обратиться за советом, как не к тебе? — В глазах Джини зажегся озорной огонек.

— Да уж, лучше спросить совета у Эсме, чем у меня, — захихикав, сказала Карола. — Мы с мужем расстались всего лишь через месяц или около того после свадьбы. А Эсме прожила со своим супругом больше года.

— По правде говоря, это тебе следовало бы давать советы, Джина, — заявила Эсме. — Мы с Каролой расстались со своими супругами и с тех пор не боимся скандалов в обществе. Но ты всегда вела себя как образцовая замужняя герцогиня!

— И поэтому кажусь вам скучной, — запротестовала Джина.

— Ну, по сравнению с нашей подмоченной репутацией...

— Говори за себя, — перебила ее Карола. — Моя репутация, быть может, и слегка подпорчена, но еще до конца не погублена.

— Ну что ж, моих черных пятен хватит на нас троих, — беспечно сказала Эсме.

Карола направилась к двери.

— Мне пора, нужно заняться своей внешностью, иначе сегодня вечером я буду выглядеть как растрепанная ведьма.

Она выскользнула за дверь.

Эсме вскочила со стула.

— Пожалуй, я тоже пойду. Дженни собирается уложить мне волосы в греческом стиле, и я не хочу задерживаться. Берни придет в отчаяние, если я сегодня не появлюсь.

— Берни Бердетт? Мне казалось, ты говорила, что он зануда, — напомнила Джина.

Эсме лукаво улыбнулась.

— Меня не интересуют качества его характера, моя дорoga.

— Ты же помнишь, леди Трубридж говорила, что сегодня приезжает твой муж?

— Разумеется, — пожав плечами, сказала Эсме. — Майлз непременно придет. Леди Рэндольф Чайлд уже здесь, не так ли?

Джина прикусила губу.

— Это всего лишь слухи. Возможно, Майлз хочет видеть тебя.

Поклонники сравнивали голубые глаза Эсме с сапфирами из-за их цвета и красоты. Но ее взгляд не только сиял, как драгоценные камни, но был таким же твердым. Однако он смягчался и теплел, когда Эсме смотрела на Джину.

— Обожаю вас, ваша светлость, — промолвила Эсме и, наклонившись, чмокнула подругу в щеку. — Мне нужно переодеться, я должна выглядеть как роковая женщина.

Нельзя допустить, чтобы леди Чайлд затмила меня красотой.

— Это невозможно, — убежденно заявила Джина. — Ты просто напрашиваешься на комплимент.

Эсме с ее шелковистыми черными локонами, соблазнительными губами и восхитительными изгибами тела с первого сезона сравнивали с самыми красивыми куртизанками Лондона. Многие считали, что она обошла соперниц и теперь была вне конкуренции.

— Разве ты сама не напрашивалась на комплимент, когда называла свои глаза мутными и сокрушалась по этому поводу?

Джина махнула на нее рукой.

— Это не одно и то же. Любой джентльмен мечтает переступить порог твоей спальни и готов ради этого на многое. В то время как во мне мужчины видят лишь строгую, тощую герцогиню.

Эсме фыркнула.

— Да ты совсем чокнутая! Попробуй рассказать Себастьяну о том, какая ты невзрачная. Уверена, он сможет красноречиво описать твое прелестное лицо, белоснежную кожу и так далее. Мне пора!

Послав воздушный поцелуй, Эсме удалилась.

Джина глубоко вздохнула.

— Какой позор! — тут же заговорила Энни, взяв в руки расческу. — Леди Ролингс — одна из самых красивых женщин в Лондоне, а ее муж не скрывает своих отношений с леди Чайлд. Как ему не стыдно!

Джина молча кивнула.

— Вы знаете, муж леди Ролингс попросил предоставить ему гостевую комнату рядом с комнатой леди Чайлд, — добавила Энни.

Джина испуганно посмотрела на свое отражение в зеркале.

— Неужели?

— Чему здесь удивляться? Это, оказывается, в порядке вещей у господ, — продолжала горничная, причесывая Джину. — Теперь, когда я стала старшей служанкой, мис-

сис Мэсси не таясь ведет при мне разговоры, и я узнаю много нового о жизни господ. Вы представить себе не можете, как нелегко было ей и леди Трубридж разместить гостей, выполняя все их капризы.

— Представляю... — запинаясь, произнесла Джина и поклонилась, что они с Себастьяном не будут изменять друг другу, когда поженятся.

Бедная Эсме!

Глава вторая ВСТРЕЧА ГЕРЦОГА С ПОРОСЕНКОМ И СОЛИСИТОРОМ*

«Ну вот я и вернулся на родину», — мрачно подумал Кэмден Серрард, стряхивая дождевую воду с полей шляпы. В его итальянских ботинках, в которых он шагнул по слякоти, хлюпала вода. Дождь лил как из ведра, и сквозь его пелену Кэм с трудом мог разглядеть дорожку, ведущую от причала.

— Осторожно, сэръ!

Кэм повернулся, но не успел отскочить в сторону, и по его забрызганному грязью ботинкам процокали маленькие острые копытца вырвавшегося на свободу поросенка.

Кэм с угрюмым видом побрел туда, где, судя по огням, находилась гостиница. Какого черта судно причалило к богу забытой пристани на окраине Ридлсгейта? Капитан «Розы», ничуть не смутившись, во всеуслышание объявил, что допустил небольшую навигационную ошибку. По его словам, в этом не было ничего страшного, так как до Лондона всего час езды дилижансом. Но с точки зрения Кэма, до Лондона отсюда было как до Луны, учитывая непролазную грязь, которая простиралась во всех направлениях, насколько хватало глаз.

Войдя в гостиницу, Кэм был обескуражен, снова увидев наглого поросенка, носившегося между креслами. Здесь

* Адвокат, частный поверенный. — *Прим. ред.*

же находились Филлипос, слуга Кэма, который прибыл раньше него и, по-видимому, уже заказал номер, хозяин гостиницы, а также постоялец — светловолосый мужчина, читавший книгу у камина. Он едва поднял глаза, когда вошел Кэм.

Джон Мамби, хозяин гостиницы, бросился к широкоплечему аристократу, стоявшему в дверях его заведения.

— Добрый день, ваша светлость! Для меня большая честь приветствовать вас в моей скромной гостинице «Улыбка королевы». Могу я предложить вам что-нибудь освежающее? — услужливо спросил хозяин.

Кэм скинул плащ на руки подошедшего Филлипоса.

— Принеси что-нибудь на свое усмотрение, — буркнул Кэм. — И прошу, ради бога, не называй меня «ваша светлость».

Мамби растерянно заморгал, но быстро пришел в себя.

— Конечно, милорд, — сказал он, широко улыбаясь. — Проходите, пожалуйста! Лорд Первинкл, я вынужден попросить вас убрать эту свинью. Мы не допускаем домашний скот в общественные места.

Светловолосый господин с обиженным видом поднял голову.

— Черт возьми, Мамби, ты только что разрешил оставить животное здесь, — с негодованием заявил он. — Ты же знаешь, что оно не имеет ко мне никакого отношения.

— Его купил ваш кучер, сэръ, — сказал хозяин гостиницы, — и я не сомневаюсь, что он вернется за поросенком, как только починит экипаж. Если вы не возражаете, сэръ, слуга отнесет его в сарай на заднем дворе.

Первинкл кивнул, и прислуживавший в гостинице мальчик, взяв поросенка под мышку, вышел вместе с ним под дождь.

Кэм опустил в удобное кресло перед камином. Честно говоря, ему было приятно вернуться в Англию. Он покинул родину в восемнадцать лет, преисполненный ярости, но всегда с глубокой нежностью вспоминал дымный пшеничный запах английских пабов. «С этим ни-

что не сравнится», — подумал он, когда Мамби подал ему кружку с пенным элем.

— Или вы предпочитаете бренди? — спросил хозяин. — Признаюсь, сэр, один друг время от времени поставляет в мой трактир бутылочку-другую отменного бренди через заднюю дверь. Приятный напиток, хоть и французский.

«Скорее всего, это капитан моего судна, — лениво подумал Кэм. — Наглый тип занимается контрабандой. Неудивительно, что мы причалили в этом богом забытом месте».

Он сделал большой глоток эля. А впереди его ждала порция контрабандного бренди... Жизнь налаживалась!

— Я решил подать сначала жареного фазана, — взволнованно сообщил Мамби, — а потом, возможно, немного свежей свинины.

— Насколько свежей? — забеспокоился Кэм.

Ему не хотелось, чтобы на ужин подали знакомого поросенка.

— Свинью забили на прошлой неделе, — заявил Мамби. — Мясо висело на крюке, пока не созрело. Моя жена очень вкусно готовит свинину, сэр. Можете мне поверить.

— Хорошо, и принесите мне бренди! — распорядился Кэм.

— Слушаюсь, сэр! — не скрывая радости, ответил Мамби, и перед его мысленным взором выросла кучка блестящих монет.

Вскоре выяснилось, что в гостинице имелась площадка для метания дротиков, и постояльцы не преминули устроить состязание. Затем оказалось, что лорд Первинкл не только умеет метко отправлять дротики в мишень, но и, как и Кэм, питает истинную страсть к рыбной ловле. А когда герцог узнал, что Таппи Первинкл учился с ним в одной школе с разницей всего в пять лет, между ними сразу же установились дружеские отношения, какие бывают только у тех, кто знал друг друга с детства или вместе, потеряв чувство меры, пил французский коньяк.

Когда Мамби спросил, не желает ли Кэм отправиться в путь с первыми лучами солнца, герцог ответил отрица-

тельно. Его вымотало утомительное путешествие из Греции, длившееся целых сорок пять дней и сопровождавшееся штормом в Бискайском заливе. К тому же Кэм не чувствовал необходимости спешить в Лондон. У него было достаточно времени, чтобы встретиться с женой.

Таппи, который несколько лет назад расстался с супругой, согласился с доводами нового друга.

— Она, рассердившись на меня, уехала к матери и до сих пор находится там, — рассказал Таппи. — Устав от ее упреков, я не стал уговаривать ее вернуться. Так мы и живем до сих пор врозь.

— Попроси солиситора приехать ко мне завтра утром, — приказал Кэм Филлипосу. — Я хорошо плачу ему, и он вполне может присоединиться ко мне за завтраком.

Филлипос всегда восхищался способностью своего господина выглядеть свежим и бодрым наутро после ночного кутежа. Но, несмотря на это, он сомневался, что на сей раз герцог действительно захочет встретиться с солиситором на рассвете, учитывая, что на столе стояла откупоренная третья бутылка коньяка. Тем не менее он поклонился и отправил с курьером в столицу срочное сообщение с требованием, чтобы мистер Раунтон, эсквайр, солиситор из адвокатской конторы «Раунтон и Раунтон», встретился завтра рано утром со своим уважаемым клиентом Кэмденом Серрардом, герцогом Гертоном.

На самом деле у Филлипоса не было причин для беспокойства. Эдмунд Раунтон, солиситор герцога Гертона, был неглупым человеком. Он слишком хорошо знал покойного отца Кэма и, предположив, что нынешний герцог своими повадками недалеко ушел от родителя, решил приехать после полудня, когда его клиент, выспавшись и плотно позавтракав, будет пребывать в добром расположении духа.

Около двух часов дня сияющий Раунтон в строгом сюртуке и сорочке с тугим накрахмаленным воротничком вышел из кареты у гостиницы, ощущая спазмы в желудке. Встречи с отцом Кэма были для него всегда нелегким испытанием. Короче говоря, проекты старого герцога